

С. ИСЛЯМИ

СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА АЛБАНЦЕВ В ПЕРИОД ЕЕ РАСПАДА

(Конец XIX — середина XX века)

Семейная община, или большая семья, — историческая общественная форма, характерная для первобытно-общинного строя. Но она существует в том или ином виде и в классовом обществе, в условиях удерживающегося в нем первобытно-общинного уклада, либо в качестве пережиточного явления. В некоторых местностях семейная община сохранялась даже в эпоху капитализма. При этом экономическая сущность большой семьи, ее основные начала остаются в той или иной мере неизменными: сохраняется коллективная собственность (которая составляет ее основание и без которой невозможно существование самой семейной общины), частично — коллективное производство и коллективное потребление. Но ее общий облик, особенно ее хозяйство, в капиталистическую эпоху резко отличается не только от того облика, который она имела при первобытно-общинном строе, но и от облика общины эпохи феодализма.

Процесс изживания первобытно-общинного уклада, протекающий в классовом обществе, неизбежно ведет к исчезновению материальной базы для существования семейной общины и к ее распаду. Однако распад первобытно-общинных начал идет в большой семье неизменно медленнее, чем вне ее, в общественно-экономических отношениях данного общества в целом, и большая семья оказывается ячейкой, в которой первобытно-общинные отношения сохраняются особенно устойчиво¹.

Семейную общину у албанцев мы застаем в качестве отдельных пережиточно сохраняющихся явлений. Именно в этом состоянии она бытует сейчас в Албании, и именно эту форму освещают исторические источники². Материалы, которыми мы располагаем, не позволяют пока реконструировать семейную общину у албанцев в ее отдаленном историческом прошлом. Задачей настоящей статьи является описание большой семьи у албанцев в период ее разложения (конец XIX — середина XX в.).

¹ М. О. Косвен, Семейная община, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 12.

² Среди чрезвычайно скудных источников по изучаемому вопросу особого внимания заслуживает свод законов обычного права наших северных горцев — Kanuni i Lekë Dukagjinit. Этот свод законов или «Канун» (канун по-албански — закон, обычай) был записан католическим патером Стефаном Гечевым (Shtjefën Gëçov) в бытность его священником в Северной Албании, в самом конце XIX и в первой четверти XX в. Этот труд был издан в 1933 г., после смерти составителя, в г. Шкодер. Несмотря на некоторые недостатки, «Канун» имеет большую ценность как этнографический источник; он записан среди народа в тот период, когда обычай, в нем избранные, действовали еще в полной мере и были единственным реальным «законодательством» горцев данной местности. В записях Гечева зафиксированы варианты отдельных обычаев разных районов Албании, отражающие зачастую неравномерное развитие хозяйственной и общественной жизни различных районов страны. «Канун» является единственным документом, фиксирующим обычное право Албании конца XIX в. Помимо «Кануна» и незначительного числа имеющихся литературных материалов, к составлению настоящей работы привлечены полевые материалы автора, собранные им в 1950 г. в Албании, в районах Скрапар и Круя.

Нам представляется своевременным изучение этой общественной формы, бытующей в нынешней Албании — стране строящегося социализма. Важно понять, какие конкретные условия создавали возможность сохранения большой семьи вплоть до наших дней, по каким причинам и какими путями идет процесс ее разложения, какова ее дальнейшая судьба.

I

Большая семья у албанцев обозначается терминами: *shtëpi* (дом), *kulm* (крыша), *zjagm* (огонь), *tym* (дым), *oxhak* (очаг), *vorër* (огнище). Если побеседовать с нашими горцами, редко можно услышать слово «*familja*», соответствующее русскому слову «семья». Они скажут: *ata janë shtëpi e madhe* (они — большой дом) или: *ata rrojnë nën kulm* (они живут под одной крышей), *fshati ynë perbehet prej kaqe zjarmesh* (тут, очагов) — «наше село состоит из стольких-то огней (дымов, очагов)». Все эти термины имеют собирательное значение; под ними горцы понимают и выражают образно не только самый дом, или крышу, или очаг и т. д., а коллектив, которому принадлежит данное хозяйство и который живет в данном доме, словом, выражают как хозяйственное, так и общественное единство определенной группы людей.

Семейную общину возглавляет *zoti i shtëpis* — «господин дома»; в некоторых районах он называется — *kryefamiljar* — «глава семьи». По «Кануну» власть в доме принадлежит самому старшему «под крышей дома», но если этот старший не обладает качествами, необходимыми для главы семьи, то на собрании членов дома выбирается на этот пост самый разумный, самый способный и заботливый. Главой семьи может стать и неженатый человек («Канун», § 20). В семьях, изученных автором настоящей статьи в 1950 г., в основном соблюдалось это правило. Так, Хаким Муфтари из села Вржежда Скрапарского округа, являющийся сам главой семейной общины, хотя и не старший по возрасту, по этому поводу сказал: «Главой семьи становится тот, кто заслуживает этого». Если глава семьи становится слишком старым, то сам передает свои обязанности (полностью или частично) старшему сыну или кому-либо другому из членов семьи, но сохраняет за собой контроль и руководство. В обследованной автором семье Каплани в селе Вржежда все внешние сношения лежат на обязанности старшего сына главы семьи, причем этот последний контролирует действия сына, дает ему указания. Внутренней хозяйственной деятельностью семьи старик распоряжается самолично.

Глава семьи является центральной фигурой в общине. На него возлагаются большие обязанности. Он руководит всей хозяйственной и общественной жизнью общины. Он должен заботиться о двух основных отраслях хозяйства — земледелии и скотоводстве: чтобы вся пахотная земля была использована, чтобы были заготовлены семена для следующего посева, а главное — чтобы было запасено достаточно хлеба на год. Он заботится об обеспечении скота пастбищами, об увеличении поголовья скота. На его обязанности лежит строительство жилых и хозяйственных построек. Глава семьи распоряжается повседневной работой всех мужчин в семье: направляет их на работу, давая конкретные задания. Он властен послать своих домочадцев на заработки или для участия в соседской взаимопомощи. В то же время он сам первый выходит на работу и самолично наблюдает за выполнением его заданий.

Точно так же доходами и расходами дома распоряжается глава семьи. В его руки поступают и заработки отдельных членов семьи. Семейную кассу хранит он сам. «Другого кармана в доме не должно быть, — говорил Хаким Муфтари, — ибо это ведет к разделу». Только

глава семьи имеет право покупать, продавать или менять землю, будь то пашня, целина, пастбище или лес, скот и другое домашнее имущество. Только он имеет право дать или получить заем или быть поручителем при займах. От имени семьи только он может заключать сделки, но он является ее законным представителем. Другие члены дома могут поделывать лишь по его поручению или с его разрешения. Но и в этом случае, если сделка оказывается не в интересах общины, он может ее расторгнуть. Вот, например, что рассказывал автору глава семьи Каппланди: «В 1936 г. я поручил брату снять пастбище для скота в Музекье. Так как размеры пастбища были велики, он снял его вместе с одним из наших односельчанином, с которым я был в ссоре. Я потребовал от брата, чтобы он отказался от этого пастбища, но он вначале сопротивлялся, ссылаясь на то, что сделка уже совершена и ему неудобно ее расторгнуть. Но я, — продолжал рассказчик, — ни за что не хотел такого всегда, поэтому вынужден был прибегнуть к крайним мерам и сказал брату: «Что ты предпочитаешь — оставаться вместе со мною или с ним?» Брат подчинился моему желанию».

В ходе исторического развития семейной общины, с расширением ее связей с внешним миром значительно расширяются функции и усиливается власть главы семьи как руководителя семейным хозяйством, причем с его стороны обнаруживается тенденция стать полным распорядителем всего хозяйства и имущества семьи. Все это, конечно, происходит не без сопротивления членов семьи, и несмотря на то, что в «Кануне» эта тенденция главы семьи нашла юридическое оформление, власть его не безгранична. Ему приходится считаться с мнением взрослых членов дома. По всем важнейшим вопросам он советуется со старшими или влиятельными членами общины и принимает решения не один, а вместе с ними.

Глава семьи заботится также о благополучии всех ее членов: о том, чтобы все они были одеты и обуты, об их здоровье. В таких случаях от него требуется, чтобы он был ко всем справедлив, «смотрел на всех одним глазом». Он должен заботиться о женитьбе и замужестве молодых членов семьи. В старину, кроме того, он обязан был приобрести оружие для юноши, достигшего совершеннолетия.

Глава семьи обладает и дисциплинарной властью. Во 2-м пункте § 21 «Кануна» Лек Дукачини мы читаем: глава семьи должен «удерживать членов дома от поступков, приносящих вред и убыток хозяйству». В 10-м пункте § 20 сказано: глава семьи имеет право «наложить взыскание на членов дома, когда они не работают, как этого требует благо дома» (оставить без обеда виновного, снять с него оружие на одну-две недели, связать или подвергнуть домашнему аресту, неповинующегося выделить из дома с полагающимся ему имуществом). В настоящее время эти взыскания смягчились. По крайней мере, в семьях, обследованных автором настоящей статьи, дисциплинарная власть главы семьи в таких резких формах уже не проявляется, он может лишь сделать замечания домочадцам, порой накричать на кого-нибудь и только. Глава дома пользуется уважением и почетом. В общем жилище семьи ему отводится самое лучшее помещение, за ним почтительно ухаживают младшие члены семьи, например, невестка: помогают ему разуться, когда он возвращается с работы, подают мыться и т. д.; в гостиной он занимает самое почетное место около очага или камина, за общим столом он возглавляет трапезу, а если он пожилой, то ему приносят еду отдельно.

Глава семьи является одновременно и главой семейного культа: по поверию каждый человек имеет свое покровительствующее ему существо — «ора» (ога), но «ора» главы дома является одновременно и «орой» дома вообще; после смерти старика его «ора» остается покровительницей дома и общей защитницей его членов даже после раздела.

По «Кануну» личная собственность главы семьи, т. е. те предметы, которые остаются в его распоряжении даже после раздела, должна быть немногим больше личной собственности остальных членов. Кроме оружия, на которое имели право все взрослые мужчины, он имел еще собственные постельные принадлежности, кофейные приборы, из которых он угощал гостей, коня. В новое время это правило нарушается. У взрослых членов семьи и в первую очередь у ее главы появляется отдельная собственность.

Таким образом, глава семьи в семейной общине выполняет самые важные функции и обладает большим авторитетом. Но его авторитет, его власть, уважение и почет, которыми он пользуется, все это в конце концов определяется его личными качествами.

Наряду со «старшим» мужчиной семейную общину возглавляет и «старшая» женщина, которая у албанцев местами называется *zonja e shtëpis* — «госпожа дома», а местами *kruefamiljare* — «женщина, глава семьи». Госпожей дома часто бывает старшая в доме женщина, но скорее всего — лучшая хозяйка, независимо от возраста. От нее требуется, чтобы она была справедлива ко всем членам семьи.

Область деятельности госпожи дома составляет домашнее женское хозяйство. Она распоряжается работой всех женщин дома, дает им задания. Посылает их за водой, за дровами, выносить навоз на поле, нести обед работающим, поливать и мотыжить. Госпожа дома должна заботиться о чистоте дома, о приготовлении пищи для членов семьи и гостей. Должна следить, чтобы из молока во время были приготовлены все молочные продукты, чтобы молоко не испортилось. В то время, когда женщины находятся на работе, она присматривает за детьми. В личной жизни женской половины семьи госпожа дома также принимает участие. В вопросах сватовства, например, хотя ее голос и не является решающим, с ее мнением все же считаются.

Власть госпожи дома ограничена, она зависит от господина дома. По «Кануну» она не может ничего продать или купить без разрешения главы семьи. Занять или дать займы другой хозяйке по соседству она может только муку, хлеб, соль, сыр, масло, т. е. то, что находится в ее непосредственном распоряжении.

Обязанности главы семейной общины, как мужчины, так и женщины, считаются пожизненными, но в случае неспособности, а в особенности в случае плохого ведения хозяйства, старший решением всех членов семьи сменяется.

Остальные взрослые мужчины семьи несут все главные обязанности по хозяйству. Две основные отрасли хозяйства — земледелие и скотоводство — возглавляются наиболее опытными старшими мужчинами, часто — братьями главы семьи. В этих областях своей деятельности они являются более или менее самостоятельными. Глава семьи не может ничего предпринять, не советуясь с ними. Так, в «Кануне» мы читаем: «Волами распоряжается землепашец. Он может кому-либо помочь, дав займы или даром, не спрашивая на это разрешение господина дома». И дальше: «Стадом овец распоряжается пастух; господин дома не имеет права вмешиваться в его дела. Если понадобится резать или продать скот, только пастух решает, какое именно животное резать или продать» (§ 24). Положение других членов семьи определяется по их месту в производстве. В основном они выступают как помощники главного пахаря или пастуха. С их мнением считаются в зависимости от положения и личного авторитета каждого. От них, как и вообще от всех членов семьи, требуется большое повиновение господину дома и соблюдение основных правил, необходимых для поддержания порядка и традиций внутри семьи. В прошлом, когда правовое положение членов семейной общины определялось обычным правом, их возможности были крайне ограничены. Они не должны были вступать в деловые сношения с посто-

ронными людьми, ибо это право принадлежало их представителю. «Канун» не давал им права что-нибудь покупать, продавать или менять без разрешения господина дома. Они не могли также выступать поручителями на сумму, большую стоимости их оружия, которое составляло их личную собственность. Кроме того, члены дома не могли идти к кому-нибудь на работу без разрешения господина дома. С появлением возможности отходничества и посторонних заработков для членов общины возникла возможность их самостоятельных действий и стеснительные рамки правовых норм «Кануна» разрушались.

Молодежь в семейной общине не имела никаких прав. Даже такой важный вопрос, как вступление в брак, решался по сватовству, помимо, а часто и вопреки желанию юношей и девушек.

Женщина ни в семье отца, ни в семье мужа не имела никаких имущественных прав, в том числе и прав наследования. Невестка в семье была подчинена и госпоже, и господину дома. Они наблюдали не только за ее работой, но и за соблюдением ею правил нравственности. В нормах обычного права указаны проступки, за которые женщина должна нести наказание: кража, неповиновение мужу в присутствии постороннего лица, супружеская неверность. Однако, если муж бил жену без достаточного основания, то в ее защиту, в соответствии с правилами «Кануна», выступали ее отец, брат, кузен, одним словом, ее семья, ее род. Родители, вернее ее родной дом, не только выступали защитниками интересов женщины, но и ответчиками за нее перед общественным мнением. Если женщина совершила убийство, мести подлежали ее родители или ее родные. Таким образом, положение женщины в семейной общине было двойственным. С одной стороны, она являлась членом трудового коллектива, к которому принадлежал ее муж, вкладывала свой труд в общее хозяйство, участвовала в коллективном потреблении. С другой стороны, она никогда не порывала связей со своим родительским домом.

II

С вовлечением семейной общины в товарно-денежные отношения классового общества внутри нее происходят существенные изменения как в экономике, так и в правовых нормах, что неизбежно сказывается на ее дальнейшей судьбе. Большая семья уже связана с рынком. Даже земля становится предметом купли-продажи. Появление посторонних заработков порождает у взрослых мужчин стремление создать свое обособленное хозяйство. Это вызывает внутри семейной общины борьбу между коллективным и частновладельческим началом, причем последнее постепенно вызревает в недрах общины и приводит в конечном счете к образованию внутри общины малой семьи. В настоящее время случается, что члены большой семьи живут вне ее (находятся на службе в городе и т. п.), но обязаны вносить деньги в семейную кассу. Конечно, они вносят уже не весь заработок, как это обязаны делать по обычаю члены семейной общины, имеющие случайные заработки на стороне, а лишь определенную долю его. Интересен пример из современного быта семейной общины одного из северных районов. Молодой человек работал учителем в сельской школе в чужом селе. Часть заработанных денег он передавал главе своей семейной общины, часть же вручал непосредственно своей матери, жившей в большой семье. Он уже ясно различал свои тесные ближайшие связи с матерью и более далекие, более формальные — с семейной общиной.

Малая семья постепенно обособляется сначала по линии потребления, а затем и локальным выделением. В этой связи интересно остановиться на внутренней планировке дома Геци из села Мерчине. Центральную часть дома занимают две большие комнаты: одна мужская, где по-

мещается глава семьи, отдыхают мужчины, принимают гостей, другая — женская, где протекает хозяйственная деятельность женщин; посередине каждой комнаты — открытый очаг. Вокруг этих центральных помещений располагаются небольшие комнаты (3 × 3 м) для женатых пар. Вместе с родителями находятся младшие дети, старшие ночуют в других комнатах. Двери спален выходят в общие комнаты и коридор. Сооружение вокруг общего центрального помещения отдельных комнат без очагов — явление относительно позднее; оно знаменует начало выделения выжившей в недрах семейной общины малой семьи.

Появление отдельной собственности взрослых мужчин, обособление малой семьи, тенденция главы семьи стать полным распорядителем семейного имущества, — все эти явления проходят в борьбе и конфликтах. Эта ситуация приводит к сегментации или разделу большой семьи.

При сегментации большой семьи возникает несколько больших семей, меньших по численности (20—25 чел.). Это хорошо можно проследить на примере дома Мустафари из села Вржежда. Еще в 1903 г. эта семья насчитывала 48 членов; затем она разделилась, и из нее образовались три семьи. Одна из них разделилась вторично в 1910 г. на две семьи, из которых одна вновь разделилась в 1950 г. на две. Другая из упомянутых трех семей после раздела 1903 г. существовала до 1949 г. и в этом году разделилась, дав начало двум семьям. Третья семья сохраняется неразделенной до сих пор, численность ее — 28 человек. Так, с 1903 по 1950 г. из одной семьи образовалось шесть.

По «Кануну» раздел производится судом старейшин. Разделу подлежат: дома, хозяйственные постройки, земля, т. е. пашня, виноградник, пастбища и леса, находящиеся в отдельной собственности семьи, сельскохозяйственный инвентарь, домашнее имущество, скот, пчелы, зерно и сельскохозяйственные продукты, молочные и винные изделия³.

Земля вотчинная делится между братьями, т. е. по принципу поколенного раздела, а земля благоприобретенная — «по оружию», т. е. по числу взрослых мужчин, способных носить оружие. Хозяйственные постройки разделяются между братьями на столько частей, сколько образуется новых очагов. Дом и приусадебную землю получает младший брат. Средний брат имеет право выбирать землю там, где хочет. Старший брат в старину имел «право на оружие», т. е. получал права военачальника. Мельница и вода для ирригации делятся между братьями. В этом случае прибегают к долевному делению. Принцип его такой: делится по существу доход от мельницы; каждый из братьев имеет право на равную со всеми долю этого дохода. В дальнейшем эту долю он делит между своими сыновьями (также поровну). От поколения к поколению дробление это увеличивается. По этому долевному принципу делится и пастбище. В этом случае доля каждого участника раздела определяет количество скота, которое он имеет право выпасать, или часть от дохода, если пастбище сдается в аренду. Инвентарь и сельскохозяйственные орудия делятся тоже между братьями. Скот делится «по оружию», сено и солома — по поголовью скота. Зерно и все сельскохозяйственные продукты, в том числе молоко и молочные изделия, водка, вино и т. д., делятся по едокам. Пчелы делятся между братьями, а мед — по едокам. В число едоков не входят дети моложе одного года. Из домашнего имущества постельные принадлежности делятся между братьями, а утварь и птицу разделяет женщина-глава семьи по указанию стариков — суда старейших, ведающих разделом.

³ Данный раздел статьи не касается тех существенных изменений в области землевладения и других видов частной собственности крестьян, которые внесло государственное законодательство Народной Республики Албании в течение последних лет (см., например, «Закон Президиума Ангифашистского национального освободительного совета от 29 августа 1945 г., № 108 о земельной реформе», ст. ст. 2, 4, 7, 9, 12, 13, 21, 25, 29, «Gazeta Zyrtare», 1945, № 39, и другие).

Долги должны быть погашены до раздела семьи. Холостому брату дают средства на свадьбу до раздела имущества.

Суд старейшин (*pleqtë*), который ведает разделом, состоящий из двух-четырех человек и больше, выбирается из числа считающихся наиболее мудрыми и справедливыми в селе. В качестве вознаграждения им дают по барану или по паре туфель.

Таким образом, в основе лежит принцип поколенного раздела, по которому братья получают равные доли, несмотря на то, что число эдов в их семьях может резко раскодиться. Это является одной из признаков имущественной дифференциации.

В местностях, исследованных автором, в основном придерживались вышеописанных обычаев. Отметим некоторые варианты и отклонения.

В некоторых местах благоприобретенная земля делилась поровну между мужчинами, которые в момент ее приобретения были трудоспособны. Тот, кто является главным пастухом, производит дележ скота между братьями и сам выбирает свою долю последний; ему дают на несколько голов скота больше в знак того, что он заботился о других за время совместного хозяйствования семьи. Так же землепашцу дают лучшего вола или лучшую пашню. В других местах распределенные доли достаются каждому по жребию.

От установленного традицией принципа раздела иногда бывают отклонения. Так, одна семья до дележа состояла из трех братьев и их дяди — брата их отца. По обычаям дедовская земля должна была быть разделена на две части: одна — дяде, а другая — трем братьям (принцип поколенного раздела). Земля, благоприобретенная за время существования семьи, должна была быть разделена на четыре части — поровну каждому из мужчин. Но эта семья при разделе, состоявшемся в 1947 или 1948 г., отклонилась от старинного принципа: разделили всю землю на четыре равные доли. Следовательно, дядя получил меньше, чем ему полагалось по обычаю.

При разделе строго соблюдаются права наследования, потому что при поколенном разделе в случае смерти одного из тех лиц, между которыми делится имущество, его доля достается его наследникам. Таковыми могут быть лишь родственники по мужской линии, женщины не имеют никаких прав наследования.

Все правила относительно наследства подчинены основному принципу — недвижимое имущество, в особенности земля, не должно выходить за пределы семейной общины, а в крайнем случае за пределы рода.

Некоторые исследователи усматривали причину разделов большой семьи в образовании частной собственности женщин (на наследство после отца, на приданое), а также в их ссорах, неуживчивости и т. д. Может быть, эти авторы были введены в заблуждение тем, что члены общины сами выставляли такое объяснение. Автору настоящей статьи также приходилось слышать в Албании подобные высказывания. Но эти объяснения — «наивные и поверхностные оценки»⁴.

Из вышеприведенных материалов явствует, что по «Кануну» женщина в семейной общине не имела прав наследования. Хотя в некоторых районах Албании женщинам и принадлежит это право, оно характеризуется иной, более поздний, этап в истории семьи. По «Кануну» женщина даже не получала приданого от родителей в силу того принципа, что общинная собственность является неделимой и неотчуждаемой. Именно этим принципом вызван обычай северных горцев, по которому вещи, приготовляемые для невесты (платье, украшения), приобретаются на деньги, данные семьей жениха семье невесты. Таким образом, средства, затраченные на свадьбу, снова возвращаются в семейный

⁴ М. О. Косвен, Указ. раб. стр. 18.

фонд. Но так как они становятся отдельной собственностью замужней женщины, то муж может распоряжаться ими по своему усмотрению. Предприимчивый человек может, например, продать золотые вещи жены, деньги пустить в рост и этим положить начало созданию частной собственности внутри большой семьи. Значит, не женщинам, а именно мужчинам принадлежит активная роль в создании частной собственности.

Что касается ссор между женщинами, то объяснять ими раздел общины совсем неосновательно. Они лишь выражают недовольство общины против тех действий ее отдельных членов, которые идут вразрез с общинными порядками. Приведем такой пример. Муж, вернувшись из города, привозит подарок своей жене. Это уже нарушение общего порядка, по которому все привезенные покупки должны поступать в распоряжение госпожи дома и делиться ею поровну между всеми женщинами. Пренебрежение этим правилом вызывает недовольство. Женщины начинают ворчать; возникает ссора между ними, в которую вступают и мужчины, также выражающие протест против самовольных поступков. Казалось бы, это — пустяковое происшествие. В действительности же оно означает, что, когда возникает для мужчины возможность побочных заработков, возрастает его тенденция к экономической и личной самостоятельности.

Следовательно, ни наследство, ни приданое, ни ссоры женщин не могут считаться основательными причинами раздела.

Причины раздела лежат значительно глубже. Накопление отдельной собственности мужчинами, их стремление к самостоятельным действиям в этом направлении вызывают недоразумения внутри семьи; частная собственность постепенно пробивает себе дорогу в имущественных отношениях. Но пока сохраняется община, должна быть сохранена и ее основа — общинная собственность. Так созревает конфликтная ситуация: каждый из членов большой семьи заинтересован в сохранении общинной собственности и в то же время, накапливая личное имущество, способствует разрушению этой собственности и распаду семьи.

III

Возникающие после раздела большой семьи новые большие или малые семьи поселяются рядом и образуют, таким образом, родственный квартал, который в Албании называется *mëhallë*, или *lagje*. Для обозначения родственных связей между этими семьями народ употребляет выражения: *ata janë vllazni* — «они — братство», *ata janë të një barku* — «они — одной утробы»; *ata janë të një fisi* — «они одного рода»; *ata janë far e fis* — «они одного зерна и рода»; *ata janë të një gjaku* — «они одной крови»; *ata janë gjini* — «они родственники по жевской линии». Все эти термины употребляются одновременно, поэтому в их осмыслении возникла некоторая путаница, которая проникла в специальную литературу. Однако в этой кажущейся путанице можно разобраться, если проанализировать каждый термин в отдельности.

Fis — часто переводят как «род», «генс», «племя». Действительно это единственный термин, который обозначает широкую родственную группу как род или племя. В то же время в народе этим же термином обозначают и более узкую родственную группу. *Far e fis* — в дословном переводе означает «зерно и род». Термин — довольно расплывчатый, бытует на юге, и народ обозначает им просто родственные связи, близкие или отдаленные, но, впрочем, не слишком дальние. *Gjak* — в дословном переводе «кровь». Термин — тоже довольно неопределенный и не предназначенный для обозначения какой-либо конкретной родственной

группы, а просто для определения кровнородственной связи. Gjini — родство, родственники со стороны матери. Иногда неправильно переводят *гjenс*. На севере четко разграничивают родство по отцовской линии *gjak* и родство по материнской линии — *gjini*. Vllazni — «братство» (от *vlla* — «брат»), *bark* — «утроба», — термины, имеющие более узкое значение: они обозначают более ограниченную родственную группу — несколько семей. Предыдущие термины, содержащие понятие родства вообще, могут обозначать и эту небольшую родственную группу. Термины же *vllazni* и *bark* никогда не распространяются на род или племя. Под терминами *vllazni* и *bark* обычно понимают одно и то же. И действительно: если *bark* обозначает какое-то исходное начало братства — *vllazni*, то в самом братстве с течением времени образуются более мелкие *bark*'и, дающие пять-таки начало другим братствам. Недаром в литературе различаются большие и малые братства (*vllazni të medha e të vogla*).

Возникающие после раздела семейной общины большие и малые семьи образуют братства — *vllazni*, и если термины *mëhalla* или *lagje* обозначают их территориальную близость, то *vllazni* — их родственную связь. В советской этнографической науке эта родственная группа семей получила название *патронимии*.

Кроме территориальной и родственной близости, семьи разделившейся семейной общины сохраняют и некоторую хозяйственную, общественную и идеологическую связь.

В хозяйственном отношении эта связь выражается в общем владении некоторыми угодьями, недвижимым имуществом, а также в проведении некоторых коллективных работ в общих интересах. Так, например, братства имеют общие горные пастбища (*bjeshk*) и общий лес на горе (*mal, pyll*), оросительный канал, мельницу и т. д. Каждая из семей братства может выпасать свой скот в неограниченном количестве на горных пастбищах на равных правах с другими. Она может также пользоваться строительными материалами и заготавливать топливо в общественном лесу. Эти виды имущества не подлежат разделу. Но уже в правовых нормах, зафиксированных «Кануном», можно проследить, как в пределах этой общественной собственности зарождалась отдельная собственность семей. Каждая семья имела право построить на летнем пастбище домик для жилья и хозяйственных нужд, около него разбить сад или огород, обработать небольшой участок земли под кукурузу и т. д. Недалеко от этого дома обычно устраивается загон для скота и выбирается тенистое место для отдыха скота в жаркое время дня, несколько дубов, например, бросающих густую тень. Никто не может запретить этой постройки или выгнать с этого места; деревья, образующие тень, никто не имеет права срубить (§§ 218, 219).

В работах, организуемых для нужд всего *vllazni* (сооружение или ремонт дорог, оросительных каналов и т. д.), принимает участие все братство, посылая от каждого дома одного человека. Так же характерен обычай взаимопомощи, например, при уборке урожая, когда нуждающаяся в помощи семья приглашает в первую очередь членов своего братства.

Общественное единство *vllazni* выражается в различных формах. После раздела семья старшего сына старшего отца считается непосредственной преемницей прежней семьи, оставаясь как бы связующим звеном между остальными семьями, являясь защитницей их общих интересов. Например, гости приходят именно в этот дом, признанный продолжателем старого дома. В былые времена наиболее важные вопросы решались на общем сходе рода (*kuvend*), на котором каждый дом имел своего представителя: *burgë për shtëpi*, «мужчина из каждого дома». Сход собирался в определенном традиционном месте. После оглашения вопроса, по которому созван сход, члены каждой *vllazni* собирались отдельно, обсуждали этот вопрос между собой и приходили

к общему решению. Затем сходу объявляли о решении каждого братства.

Во время военных действий братство выступало как военная единица во главе со своим военачальником (*kreun e villaznis*), пост которого был пожизненным или даже наследственным.

Поскольку братство связано кровным родством, браки внутри его не заключаются. Кровная месть распространяется на всех членов братства, в некоторых местах — на все время, пока кровь не будет отомщена; в других местах — на 24 часа после совершения убийства, причем по истечении этого времени члены братства мести не подлежат (это более поздний порядок, он является попыткой ограничения кровной мести). В некоторых районах братство имеет свое кладбище, на котором, «по «Кануну», не может быть похоронен никто из посторонних

Идеологическая связь у наших горцев хорошо выражается в собственных именах. Например, *Nikolla i Sutës Nikollë Ndreces i Jakaj*. Это значит: Никола, сын Суте, сына Николы, сына Ндреца, потомок Якай. Здесь отражена генеалогия на четыре поколения и общее патронимическое имя — имя реального или предполагаемого предка. Идеологическая связь выражается также в образах первобытной религии. Горцы верят, что после смерти человека его ора (сверхъестественное существо, о котором говорилось выше) не умирает, а становится покровительницей его *барки*. Каждый дом имеет свою «ору», общую для всех членов. Это «ора» главы семьи, которая заботится о благополучии дома. И когда дом делится, его «ора» продолжает быть общей защитницей и покровительницей его сегментов.

IV

Экономическими и общественными узами семья связана также с селом, а в прошлом была связана с родом или с байраком.

Экономические связи с селом заключаются в совместном владении некоторыми общесельскими угодьями (*kujri, mal, bjeshk*). Таковыми могут быть горные пастбища, покосные луга, леса. Все дома, или «дымы», как выражается «Канун», села имеют равные права на пользование ими. Доходы и убытки от них распределяются на все «дымы» поровну. Эти угодья не подлежат ни разделу, ни продаже.

При анализе патронимической собственности мы отметили зарождение отдельной собственности семьи внутри общественной собственности патронимии. Внутри общесельской собственности также шел процесс образования частной собственности семьи. В «Кануне» содержится несколько примеров правил пользования общесельским имуществом. Так как Гечев записывал эти обычаи в разных местах, то они прекрасно отражают процесс постепенного превращения общесельской собственности в частную. Процесс этот протекал не мирно, а в борьбе между коллективным и частнособственническим началами владения.

В § 235 «Кануна» указывается, что землю, принадлежащую *kujri* (вид общесельского угодья), никто не может распахать или разбить на ней сад или виноградник без согласия всего села. Другие места «Кануна» указывают, однако, на право частного лица посадить дерево на общественной земле, которое он может затем употребить на топливо, но плоды с которого принадлежат всем (§§ 236, 237). В местности Ороши есть правило: «Если кто-либо не использует свой стан (загон для скота на горном пастбище, около которого выстроен маленький домик и возделывается участок под пашню или огород.— С. И.) в течение 10 лет подряд, то теряет на него право, и стан переходит к тому, кто первый его займет» (§ 226). В местности Мальсия э Лешит земля, впервые возделанная кем-либо, становится собственностью семьи и пе-

реходит по наследству, если даже не обрабатывается длительное время (§ 225).

Купле-продаже подлежала только та земля, которая находилась в частной собственности. Но и здесь бывшее общественное владение выражалось в преимущественном праве покупки. По «Кануну» земля продается в первую очередь ближайшим родственникам, и только если они откажутся от покупки, то более дальним; при этом братья и близкие кузены покупают дешевле, чем посторонние; за неимением родственников-покупателей земля продается ближайшему соседу, далее — односельчанам. Лишь в случае отказа всех односельчан землю можно продать любому постороннему (практически это случалось крайне редко). В случае вторичной продажи этой же земли предыдущий хозяин имеет преимущественное право покупки (§§ 464—477). Если землю купил посторонний человек, то, обосновавшись в селе, он становится «братом в селе» (*vlla në katund*). Это, вероятно, связано со старинным представлением о том, что все соседи одновременно были и родственниками. После такого признания любой из сельчан может продать свою вновь прибывшему что-либо из своего собственного движимого или недвижимого имущества. На пользование общественной собственностью вновь прибывший не получает права. В этих законах отражаются два противоречивых начала: новое — отказ от прежнего положения о неотчуждаемости земли, и старое — стремление удержать землю в пределах общины, рода, села. Прибывший в село становится членом общества: получает право голоса на общесельском сходе, имеет право присутствовать на похоронах, свадьбах и т. д., а также обязан участвовать в общественных работах и других общественных предприятиях. Таким образом, землевладение определяет не только имущественное, но и общественное положение человека⁵.

Экономические связи семьи с селом выражаются также в участии в общесельских работах, проведении дорог, сооружении каналов, мостов и т. д.; на такие работы каждый дом посылает одного или нескольких своих представителей. Односельчане связаны также обычаем соседской взаимопомощи. К ней прибегают чаще всего во время пахоты или уборки урожая. Этот обычай в числе лучших традиций албанского народа поддерживается и поощряется Партией труда и народно-демократическим правительством. Еще во время национально-освободительной войны крестьяне шли на помощь семьям партизан; теперь, в период строительства железных дорог и других народных строек, помощь оказывается семьям строителей-добровольцев. В настоящее время, когда в Албании разворачивается борьба за социалистическое преобразование сельского хозяйства, сельская взаимопомощь принимает новый вид: она является первой фазой на пути кооперирования крестьянства.

Общественные связи семьи с селом в старину выражались в участии в общесельском сходе, на который каждая семья должна была послать своего представителя. Каждая семья имела на сходе один голос, независимо от своей численности.

Кроме общесельских угодий, имелись владения байрака, на пользование которыми каждый из домов — членов байрака — имел равные права. «Байрак» (*baĳrak*) — это военно-территориальное объединение, которое в период разложения родового строя и возникновения феодализма сменило родовые объединения (*fis*).

⁵ Современное законодательство Народной Республики Албании допускает совместное использование общественных лесов и пастбищ крестьянами одного или нескольких сел «согласно местным обычаям впредь до особых распоряжений, а с тем, что вновь устраиваемые переселенцы должны иметь одинаковые права по использованию этих угодий» (Закон о земельной реформе, ст. 22; цит. по сб. «Конституция и основные законодательные акты Народной Республики Албании», М., 1951, стр. 179); см. также ст.ст. 23 и 24 Закона о земельной реформе.

При этом два — четыре и больше родов могли образовать один байрак, иногда один байрак соответствовал одному роду. Отсюда и некоторая путаница, возникшая в специальной литературе по этому вопросу: некоторые исследователи смешивали понятия *fis* и *байрак*, принимая их за разные родственные группы; на самом деле это — две общественные формы, хотя и существовавшие кое-где одновременно, но появившиеся на различных исторических этапах. Другие исследователи считали, что байраки создавала турецкая администрация для управления страной; но и это не верно: турецкие власти лишь опирались на отдельных байрактаров (военачальников) и, таким образом, использовали в своих интересах уже существовавшие объединения.

В старину каждая семья должна была участвовать в собрании (*kuvend*) байрака, куда вызывался один мужчина от каждого дома (*burrë për shtëpi*), причем каждый дом имел один голос. Семья была обязана также принимать участие в ополчении байрака, в которое высылался один мужчина от дома (*pushkë për shtëpi*), независимо от числа мужчин в семье, способных носить оружие.

Перед лицом общественного мнения семья выступала как одно целое. Поступки ее членов, как дурные, так и хорошие, приносили радость или несчастье, почет или позор всему дому в целом. Например, по «Кануну», за тяжкий проступок одного члена семьи сельский сход мог постановить сжечь дом этой семьи, хотя бы он принадлежал не самому виновному, а всей общине. Девушка, убившая кого-нибудь, защищая свою честь, приносила честь всему дому. Девушка, не защитившая свою честь, или неверная жена приносили позор дому. Кровная месть за убийство, совершенное одним из членов семьи, падала на всю семью. Даже за проступки маленьких детей отвечал весь дом.

Общепризнанным представителем семьи перед общественным мнением является господин дома. Ответственность за все проступки членов семьи ложится на него. Если совершена кража и т. п. и подозрение падает на какой-либо дом, то, чтобы отвести это подозрение, достаточно клятвы господина дома; требовать клятвы от других членов семьи потерпевший не имеет права.

Одними из важнейших элементов этики являются институты гостеприимства и бэсы (*besa*), в прошлом строго соблюдавшиеся в албанском обществе.

Дом албанца всегда открыт для гостя. Любой человек, далекий ли, близкий ли, даже незнакомый, может прийти в гости, и хозяин обязан принимать его, оказать ему уважение и почет. Степень оказываемого почета зависит от личных качеств гостя, его веса в обществе. Самое важное при этом — радушный, сердечный прием. *Vike e kurrë e me zëmër* («хлеб да соль от всего сердца»), — говорит народ. Не принять гостя — позор. Гость всецело находится под покровительством дома. В старину хозяин дома должен был защищать своего гостя от любой опасности, даже рискуя жизнью. Считалось большим бесчестьем для дома, если убьют его гостя. «Кровь» (т. е. убийство родного), по «Кануну», может быть прощена, но убийство гостя — это бесчестье и не прощается. Гость находился не только под покровительством дома, но и на его ответственности: за любой его неблагоприятный поступок отвечал хозяин дома. Гость находился в безопасности в доме, оказывавшем гостеприимство, поскольку считался в его «бесе»⁶.

«Беса» — это дело честных людей, это высшее обязательство, которое албанец никогда не нарушает и держит его при любых условиях. Тот, кто не держит «бесу», считается самым нечестным человеком, к нему относятся с презрением. Назвать человека *rabesë*, т. е. человеком,

⁶ *Besë* — «вера», «слово», «обещание»; *mbaj besën* — «держат свое слово»; *e bëj me besa-besën* — «дать слово друг другу»; *jap besën* — «даю слово»; *zë besë, besoj* — «верить», «доверять»; *besa shqipëtare* — «честное слово» (буквально «слово албанца»).

державным словом, — самая большая обида, какую можно нанести кому-нибудь. В прошлом, когда общественные отношения основывались лишь на законах обычного права, беса, как и гостеприимство, регулировали межродовые и тому подобные отношения, до известной степени ограждая людей от таких явлений, как кровная месть, феодальные распри и т. д. Каждый человек, даже имеющий за собой какую-либо вину, мог считать себя в «бесу» кого-нибудь: мужчины или женщины, девочки или мальчики; он оказывался, таким образом, под защитой всего дома.

И теперь гостеприимство и верность слову является для албанцев важнейшим правилом этики. Однако в народе критически относятся к старинным обычаям: если в старину даже враг мог войти в любой дом и хозяин не мог отказать ему в покровительстве, то теперь никто из граждан Народной Республики не окажет гостеприимства врагу. В горах известно немало случаев, когда изменники Родины — шпионы и диверсанты, поиманные в Албанию вражеской агентурой, пытались найти убежище в крестьянских домах, но крестьяне-патриоты, верные партии и народной власти отдавали их в руки правосудия. «Нет веры неверным», — говорят они.

* * *

Первый вопрос, который возникает после изучения приведенного в настоящей статье материала, заключается в следующем: какие причины столь долгого сохранения в среде албанского крестьянства семейной общины и какие причины послужили к ее распаду?

«Существование семейной общины обусловлено низким уровнем развития производительных сил, свойственных эпохе родового строя, отсутствием хозяйственной необходимости тесной кооперации и более или менее крупного производственного коллектива. С развитием производительных сил эта необходимость постепенно изживается, и семейная община начинает распадаться... сначала, на которых она зиждется, постепенно разрушаются, и в конечном счете окончательно распадается и прекращает свое существование сама семейная община»¹.

Существование семейной общины в наши дни в Албании, стране, строящей социализм, — анахронизм. Эта община, как и многие другие черты патриархального быта, достались Народной Республике в наследство от старой Албании. Почему же в буржуазной Албании хранилась эта пережиточная общественная форма? Может быть тому, что албанский народ в целом не способен к прогрессу? Так, по крайней мере, уверяли некоторые. Нет, албанский народ доказал теперь, что, получив возможности для экономического и культурного развития, он может достигнуть многого. Все дело в том, что он вплоть до победы народно-демократического строя, не имел этих возможностей.

На протяжении пяти веков над Албанией тяготело мрачное турецкое иго. И после освобождения от Турции Албания не получила ни политической независимости, ни возможности для развития. Страна стала разменной монетой в политических интригах империалистических государств из-за ее природных богатств и выгодного стратегического положения. Все эти «цивилизованные государства» принялись «помочь отсталому народу, неспособному к самоуправлению». Личиной помощи пытался прикрыть свою оккупацию даже итальянский фашизм. Эти «цивилизованные государства» использовали и консервировали в своих интересах культурную отсталость Албании, в том числе пережиточные формы общественного строя.

¹ М. О. Косвен, Семейная община, стр. 3.

С победой Советского Союза над фашизмом страна освободилась от империалистического угнетения и под руководством Партии труда, при бескорыстной помощи Советского Союза, строит социализм.

Страна рвется вперед к стройкам невиданных для Албании размеров, к полному преобразованию экономики, к созданию нового, социалистического быта. Социалистический уклад завоевывает ведущее место в стране. Он сметет с лица земли все остальные уклады, которые пока сосуществуют в стране, в том числе и патриархальный уклад, сохранением которого обуславливается переживание еще местами семейной общины. Правительство Албании пока не поощряет разделов большой семьи в интересах сохранения крупных, т. е. более мощных, хозяйств. Но с социалистическим преобразованием сельского хозяйства, с победой колхозного (кооперативного) строя исчезнут предпосылки для существования большой семьи. И крестьянская семья в социалистической Албании станет новой колхозной семьей.

Наши враги из лагеря империализма грозят нам войной. Они хотят прервать мирное развитие нашей свободной жизни. Но мы их не боимся, ибо с нами Великий Советский Союз, стоящий на страже мира. Албанский народ отвечает врагам словами своего вождя Энвера Ходжи: «Пусть собаки лают — караван идет вперед!»

Наш народ исполнен решимости строить новую жизнь без патриархальщины.
